

ТУДА МЕДДЕЯ

ОНА
ТЕБЯ
СОТРАДЕТ

Петр Перовский

Петр Перовский

ТУДА. Медея

«Автор»

2026

Перовский П.

ТУДА. Медея / П. Перовский — «Автор», 2026

Океан хранит тайны. Но некоторые тайны не должны быть найдены. Судно «Медея» отправляется в точку Немо, чтобы поднять со дна давно утерянный спутник. Но из глубины приходит не то, что искала экспедиция. А в корабельном эфире звучит голос ребёнка:— Пап? Глубина — не помеха. Время — не преграда. Человек — всего лишь деталь, которую можно согласовать.

© Перовский П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Петр Перовский

ТУДА. Медея

Глава 1

Двигатель работал ровно. Вера чувствовала эту вибрацию спиной — привычную, почти родную. В открытом океане она обычно доверяла автопилоту. Старый, но надёжный, он ни разу не подводил. Но сейчас, за час до прибытия в квадрат, Вера отключила автоматику и заняла место за пультом.

Прямо перед ней, за стеклянным колпаком, темнел старый механический штурвал. Его давно никто не трогал. Латунь потускнела, дерево рассохлось, но отполированные рукояти всё ещё хранили следы чужих рук. Когда-то именно так управляли «Медеей». Теперь штурвал остался лишь напоминанием о прошлом.

Вера коснулась панели управления. Вывела на экран очередную поправку курса. Подняла взгляд на лобовое стекло.

Океан был спокоен. Слишком. Даже для точки Немо. Зыбь едва угадывалась, ветер дул ровно, с постоянных девяти часов. «Медея» шла легко, почти не чувствуя собственного веса. Хорошие условия. Комфортные. Вера такие не любила.

В спокойном океане есть что-то неправильное. Он ждёт. Затаился.

Она сбросила скорость за пятнадцать миль до цели. Не резко — так, чуть-чуть, на два узла. Потом ещё. Потом ещё. Движения рук мягкие, почти инстинктивные. Стрелка тахометра поползла вниз, гул дизеля стал глуше.

Три минуты. Молча.

В рубке никого, только тишина и мерцание радаров. Море за лобовым стеклом — серое, бесконечное, плоское. Вера смотрела на горизонт и чувствовала, как внутри, под рёбрами, собирается холод. Не страх. Другое. Старое, хорошо знакомое. Она называла это предчувствием дна. Когда под килем глубина, а кажется — вот-вот заденете.

В прошлый раз это чувство пришло за два часа до того, как её корабль лёг на грунт. Она тогда не послушалась.

Дверь в рубку открылась без стука.

Вера не обернулась. Узнала походку — лёгкую, быструю, с перестуком подошв о металлический настил. Магнат. Француз. Месье Филипп Леклерк. На корабле его звали просто «босс», но только за глаза. В лицо — месье Филипп.

Он замер на пороге, переводя взгляд с приборов на Веру, с Веры на горизонт.

— Мы замедляемся, — сказал он. Не вопрос — констатация.

Пальцы Веры лежали на штурвале неподвижно.

Француз сделал шаг вперёд. За его спиной, в коридоре, что-то глухо стукнуло — то ли дверь каюты, то ли кем-то из команды.

— Капитан.

Её передёрнуло. Плечи дёрнулись от озноба. Но она сдержалась. Не обернулась. Только сжала челюсть так, что желваки заиграли.

— Двенадцать узлов, — сказала она. Голос ровный, холодный. — Будем подходить аккуратно.

— У нас график.

— График подождёт.

Она произнесла это так, будто не предполагала возражений. Француз помолчал. Потом, к её удивлению, не стал спорить. Прошёл к навигационной рубке, бросил взгляд на карту, на мигающую точку цели.

— Вы что-то чувствуете, Вера.

Не вопрос. Констатация.

Она не ответила.

Француз отошёл к иллюминатору, заложил руки за спину. С минуту они стояли так — двое у серого стекла, разделённые тремя метрами палубы и многолетним молчанием о том, что нельзя объяснить словами.

— Я не сплю третью ночь, — сказал он. — Всё думаю: зачем мы сюда плывём. Вы знаете зачем, капитан.

Вера знала. Но не для него.

— Работа, месье Филипп. У нас контракт.

— Контракт, — повторил он и усмехнулся уголками губ. — Да. Конечно. Контракт.

Он ещё постоял немного, развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась с пневматическим хлопком.

Вера осталась одна.

Она смотрела на горизонт. Потом перевела взгляд на эхолот. Глубина росла. Триста метров. Четыреста. Пятьсот. Океан под килем уходил вниз, в черноту, на дно, где покоились спутники, ракеты, обломки.

Она сбросила ещё один узел.

Внутренняя связь ожила.

— Капитан... у вас есть минута?

Голос растерянный, испуганный. Джун.

— Говори.

— Сигнал странный. Я раньше такого не слышал.

Вера замерла.

— Иду.

Она включила автопилот на минимальной скорости и вышла из рубки. В коридоре пахло кофе и старым пластиком. Где-то внизу, в машинном отделении, ровно гудел двигатель.

Радиорубка оказалась тесной. Джун сидел, сторбившись, и смотрел на монитор. Экран серел белой рябью — ни карты, ни спутниковой разметки, только шум. Наушники лежали на столе. Она заметила это сразу.

— Докладывай.

Он не обернулся. Пальцы пробежали по клавиатуре, экран мигнул, но изображение не вернулось.

— Спутник потерял. Резервный работает с перебоями. Сигнал идёт, но там помехи. Выборочно. Одна частота чистая, следующая — шум, третья вообще молчит.

— Глушилка?

— Нет. Глушилка хаотичная. А эта — нет.

Вера подошла ближе. Джун пах кофе и энергетиком. Под глазами залегли тени — не спал, наверное, вторую ночь.

— Ты что-то услышал.

Он помолчал. Потом снял наушники окончательно, положил на стол.

— Голос. Обрывок. Сказал «пап». Или «папа». Не разобрал.

— Чей?

— Не знаю. Может, показалось.

— Восстанавливай связь.

Она вышла в коридор. Прошла несколько шагов, остановилась у иллюминатора.

Вода за стеклом — серая, бесконечная. Ни звезды. Ни огней. Только океан.
Вера смотрела в темноту, чувствуя, как под рёбрами снова собирается холод.
Внутренний голос молчал. Это пугало сильнее любых слов.

Она перевела взгляд вниз, на палубу. Хотела спуститься в машинное отделение. Передумала.

Пошла к мостику. Сначала не спеша. Потом шаг стал шире. Перед самой дверью захотелось бежать — сдержалась, вошла ровно.

Мостик встретил её тишиной и мерцанием приборов. Вера села в кресло, взялась за штурвал. Пальцы легли на холодный металл.

Она замерла. Не знала, почему. Но руки сами потянули штурвал на себя, до упора. Движки смолкли. «Медея» вздрогнула и остановилась.

В рубку влетел Филипп.

— Почему стоим? — голос жёсткий, глаза злые. — Что на этот раз?

Вера молчала. Не могла объяснить.

— Месье Филипп, — сказала она наконец. — Прошу подождать.

— Подождать? — он шагнул ближе. — Ты хоть понимаешь, сколько пришлось потратить времени, сил, денег, чтобы получить разрешение на исследование? Мы здесь не рыбу ловим.

— Я прошу час. На батискафе можно добраться и отсюда. Но не сейчас.

Француз не слушал. Уже направился к выходу. Из коридора донёсся его голос:

— Луи, подготовь батискаф.

Шаги затихли. Последнее слово долетело до Веры — тихое, брошенное через плечо. Упрямая ослица.

Она встала, подошла к панорамным окнам.

Вода спокойная, серая, бесконечная. Ни ряби, ни ветра. Океан застыл. Но взгляд почему-то приковывался не к воде. К небу.

Что-то было с ним не так. Вера не понимала — что. Посмотрела на часы. Вечер. Ещё не слишком поздний.

Может, всё дело в звезде. Она висела на фоне чистого неба — одна-единственная, слишком яркая для этого часа.

— Капитан.

Вера обернулась. Джун вызывал по корабельной связи.

— Послушайте, мне уже кажется, что я с ума схожу.

Она резко подошла к пульту, включила громкую связь.

Из динамика сначала пошло шипение. Потом голос. Детский. Далекый. С помехами, рваный.

— Пап?

Шипение.

— Ты опять во что-то влез?

Треск.

— Насколько далеко?

Снова помехи.

— Знаю хорошее место.

Шипение заполнило всё. Потом — короткое, отчётливое:

— Летим туда.

Снова шипение. Белый шум. Пустота.

Вера выключила связь. Сердце колотилось где-то у горла. Она коротко сказала Джуну:

— Никому не говори.

Тот подтвердил и отключился. Слишком быстро.

В дверях появился старпом. Высокий, поджарый, с жёстким скуластым лицом. Норвежец Брейвик, с которым вместе плавали уже восемь лет. Ни разу не подвёл.

— Филипп в бешенстве, — сказал он, проходя в рубку. — Батискаф готовит. Сам командует, сам матерится.

Он перевёл взгляд на Веру. Замолчал.

— Что с тобой?

— Ничего.

Брейвик шагнул к окнам. Вгляделся в небо. Заметил звезду.

— Ты из-за неё остановила «Медею»?

Вера помедлила.

— Наверное. Не знаю. Нужно подождать.

Он усмехнулся, но мягко, без злости.

— Филипп ждать не будет. Он уже там всё крушит.

— Тогда распорядись, что без меня никто погружаться не будет.

— Я? — Брейвик нервно хохотнул. — Да он меня сожрёт. Злющий ходит.

— Я всё сказала. Если ему что-то не нравится, пусть придёт ко мне.

Старпом вздохнул, покачал головой и вышел.

Из динамика внутренней связи раздался голос Михаила. Ровный, спокойный.

— Вера. Что дальше?

— Держи двигатели на готовые.

— Хорошо.

С палубы послышалась ругань. Вера взяла со стола бинокль. С ночным режимом и лазерным дальномером. Выглянула за дверь.

Брейвик стоял на палубе, опустив голову. Ангар, где хранился батискаф, был открыт. Но батискаф выгружать никто не собирался.

И правильно.

Француз бурно жестикулировал. Слов Вера не понимала. Она приложила бинокль к глазам, нашла странную звезду и приблизила объектив.

Звезда не висела. Она падала.

И это была не звезда.

Вера окликнула старпома. Все на палубе повернулись в её сторону — Брейвик, всё ещё раздражённый Филипп, палубный рабочий Луи. Вера махнула рукой и нырнула обратно к пульту.

«Медея» взревела движками. Тяжело, но уверенно начала разворот.

В рубку вбежал Брейвик.

— Что такое?

— Сам посмотри.

Она указала на бинокль. Тут же появился Филипп, перехватил его у старпома.

— Куда смотреть?

— Туда, — Брейвик показал рукой в небо.

Француз прижал бинокль к глазам, замер. Потом опустил.

— Что это?

Никто не ответил. Он подбежал к пульту, нажал кнопку связи.

— Джун, соедини со спутниковым центром.

Помехи.

— Джун?

На пороге возник сам связист. Бледный, растерянный.

— Нет связи, — сказал он. — Никакой.

Он замолчал, глядя куда-то мимо собравшихся.

Объект был уже позади корабля. Вера дала полный ход. Двигатели взревели, «Медея» содрогнулась и тяжело пошла вперёд, набирая скорость.

— Брейвик! — крикнула Вера. — Предупреди остальных. Пусть привяжутся.

Старпом выскочил на палубу.

Филипп поднял бинокль, последний раз посмотрел на объект. Потом опустил, похлопал Веру по плечу и молча занял место в кресле, пристегнувшись.

— Я к себе? — неуверенно спросил Джун.

— Не дури. Садись здесь.

Связист опустил в кресло у переборки.

Вера уже видела светящуюся полосу в отражении лобового стекла.

— Ну где же ты, Брейвик.

Старпом вбежал, плюхнулся в кресло и начал пристёгиваться.

Раздался хлопок. Оглушительный, нечеловеческий.

Вера закрыла глаза — яркая вспышка заполонила всё пространство. Стёкла затрещали, но не разбились. Кто-то вскрикнул. Кто-то зарычал сквозь зубы. Сама Вера сжала челюсти до ломоты.

Вспышка исчезла.

Она открыла глаза. Ничего не поняла — не было ни огня, ни разрушений. Только вода за бортом вдруг стала уходить в одну сторону.

Волна. Огромная. Вера не видела её, когда открыла глаза, но чувствовала.

Выругалась.

На разворот времени не оставалось. Придётся встречать спиной.

— Крепитесь.

Она развернула «Медею» кормой к волне.

Сначала была тишина. Потом звук — далекий, низкий, нарастающий. Гул, от которого завибрировали переборки. Вера смотрела на экран радара — там росла стена. Не верила своим глазам, но верила приборам.

Волна шла на них.

Она упёрлась ногами в палубу, вцепилась в штурвал. «Медея» вздрогнула, когда первый край поднял корму. Вера почувствовала, как корабль начинает задираться — медленно, тяжело, будто нехотя.

Она дала газ. Движки взревели, винты забили воду. «Медея» попыталась удержаться, но волна была сильнее. Корму подбросило выше. Корабль заскрипел — протяжно, жалобно, как живой.

Вера не отпускала штурвал. Глаза смотрели в приборы, пальцы чувствовали каждую вибрацию. Она вращала штурвал то вправо, то влево — мягко, точно, без паники. «Медея» слушалась. Нехотя, со скрипом, но слушалась.

Волна перекатилась под килем. Корабль клюнул носом — Вера сбросила газ, дала корме опуститься. Не резко, плавно. Сейчас важнее не переломить корпус.

Стена воды поднялась над ними. Вера видела её краем глаза — тёмную, кипящую. «Медея» полезла на неё, медленно, тяжело. Движки выли на пределе. Михаил молчал — значит, держатся.

Вера не молилась. Не просила. Только работала.

Корабль задрался выше — градусов тридцать, сорок. Кресло старпома скрипнуло, кто-то охнул. Вера не обернулась.

Она дала ещё газа. Винты забили воду с такой силой, что корма заходила ходуном. «Медея» замерла на мгновение — на самом гребне. Вера ждала. Секунда. Другая.

Волна пошла дальше.

Корабль начал опускаться — медленно, осторожно, будто боялся рассыпаться. Вера держала штурвал, работала движками, не давая корме зарыться.

Волны приходили одна за другой — меньше, слабее. «Медея» успокаивалась. Последняя прошла под килем, даже не качнув.

Вера выдохнула. Отпустила штурвал. Руки дрожали.

— На этот раз послушала.

Глава 2

Вера выдохнула. Отпустила штурвал. Руки дрожали.

— На этот раз послушала.

Никто не ответил. В рубке стояла тишина — не спокойная, а та, которая бывает после удара. Когда уши ещё не отошли, а мозг только начинает понимать: живы.

Вера огляделась.

Филипп сидел в кресле, пристёгнутый, бледный. Глаза открыты, смотрит вперёд, но не видит. Потом моргнул. Дёрнул плечом, отстегнул ремни. Встал. Подошёл к ней. Похлопал по плечу — раз, другой. Неловко, но искренне. Сказал что-то по-французски, тихо. Вера не разобрала. Кивнула.

Брейвика на месте не было. Отстегнулся, вышел — она даже не заметила когда. Но это Брейвик. Она привыкла. Он всегда знал, что делать. Уже, наверное, на палубе.

Джун сидел в кресле у переборки. Белый. Руки на подлокотниках, пальцы вцепились. Смотрел в одну точку — на экран, где сейчас ничего не было. Вера окликнула:

— Джун.

Не услышал.

— Джун.

Дёрнулся. Повернул голову. Глаза пустые, не здесь.

— Всё прошло, — сказала Вера. — Спокойно.

Он открыл рот. Закрыл.

— Мне нужна твоя помощь.

Сработало. Джун моргнул, сглотнул, кивнул. Быстро-быстро.

— Да, капитан. Да, конечно. Сейчас. Я проверю.

Он начал отстёгиваться, пальцы не слушались. Вера ждала. Не помогала.

— Связь не работает, — сказала она.

— Я понял. Я сделаю.

Джун наконец справился с ремнями, поднялся. Шатало. Но он вышел сам.

Вера проводила его взглядом. Вспомнила, как сама в первый раз вышла в океан. Тоже думала — привыкла на тренажёрах, ничего страшного. А когда ударило — не могла пошевелиться. Старпом тогда подошёл, сказал: «Дыши». И отошёл. Не жалел. Не помогал. Просто дал время.

Старый норвежец. Другой. Не Брейвик.

Она качнула головой — потом, не сейчас.

Филипп уже стоял у пульта, пальцы барабанили по панели. Нашёл кнопку спутниковой связи, нажал. Шипение. Ещё раз. Тишина.

— Не работает, — сказал он сам себе.

Нажал ещё.

— Я им устрою, — голос жёсткий, злой. — Сколько денег. Сколько бумаг. Разрешения, согласования. Я им говорил — нужен постоянный канал. Говорил. А они...

Вера слушала. Филипп завёлся — это было видно. Злость возвращала его к жизни. Краснел, жестикулировал, сыпал французскими словами. Это был не спектакль. Он правда кипел.

— Спутник с орбиты. Снимать спутник, когда в квадрате корабль? Я подам иск. На всех. На компанию. На центр управления. Я не для того...

— Месье Филипп.

Не услышал.

— Месье Филипп.

Он замолчал. Повернулся к ней.

— Всё потом, — сказала Вера. — Сначала проверим корабль. Связь. Потом разберёмся, что упало и почему. Миссия подождёт.

Он хотел возразить. Открыл рот. Посмотрел в её глаза — спокойные, усталые, без капли паники. Закрыл рот. Кивнул.

— Хорошо, — сказал. — Потом.

Вера подошла к пульту. Проверила корабельную связь. Нажала кнопку вызова.

— Михаил.

Шипение.

— Михаил.

Тишина.

Ничего.

Вера выпрямилась. Отпустила штурвал — ладони затекли, пальцы не разгибались. Она пошевелила ими, чувствуя, как возвращается кровь. Посмотрела на дверь. Подошла. Толкнула — пневмодоводчик сломался, створка пошла туго, заскрипела. Вера вышла в коридор.

Сзади слышались шаги. Филипп.

Она не обернулась. Услышала, как он поправил китель, как выдохнул — шумно, с присвистом. Живой. Злой. Это было хорошо. Мертвые не злятся.

Сверху скрипнуло. Вера подняла голову. Солнце било в глаза, пришлось прищуриться. На крыше надстройки, на коленях, сидел Джун. Руки в крови — не его, железо порезало. Он возился со спутниковой антенной.

— Волной задело, — сказал он. Голос чужой, будто не свой.

Тарелку смяло. Края погнулись, центральный облучатель висел на проводах, вся конструкция смотрела в небо под углом, под которым никогда не должна была смотреть. Вера даже не спросила, можно ли починить. Знала — нельзя. Не здесь. Не сейчас.

Она пошла дальше.

Коридор кончился, начался трап. Металлические ступеньки, резиновые накладки. Вера спускалась быстро, держась за поручень. Филипп — за ней, тоже не отставал.

Из машинного отделения доносились звуки. Глухие удары — металл о металл. Короткие. Ритмичные. Кто-то работал.

Вера толкнула дверь.

В машинном всегда было чисто. Михаил больше походил на хирурга в операционной, чем на механика — комбинезон без единого пятна, инструменты разложены по местам, даже воздух пах не соляжкой, а озоном и горячим металлом. Вера привыкла к этому порядку. Он успокаивал.

Сейчас всё было иначе.

Михаил стоял на коленях в луже масла. Комбинезон пропитался, висел тяжёлыми складками. Руки чёрные до локтей. Рядом с ним, на корточках, замер помощник — молодой парень, четвёртый рейс. Молча подавал ключи, не проронив ни слова.

Михаил боковым зрением увидел Веру. Не обернулся.

— «Идёт в разные стороны море. А кто ж его поведёт, коли не капитан?» — сказал он через плечо. Вытер лоб тыльной стороной ладони, оставил чёрную полосу. — Привет, Вера.

— Что у тебя?

— Пока ничего сказать не могу. — Он кивнул на разобранный узел. — Сделаю всё возможное.

Филипп шагнул из-за её спины. Встал рядом, заглянул через плечо Михаилу.

— Насколько серьёзно? Нам нужно знать сроки. Мы не можем...

Вера повернула голову. Посмотрела на него — спокойно, без напряжения. Филипп замолчал на полуслове. Сделал шаг назад. Отошёл к стене, заложил руки за спину.

В дверях появился Брейвик. Запыхавшийся. Форма насквозь мокрая, волосы слиплись, по лицу текла вода — не дождь, океан.

— Вера, помощь нужна.

Она не спросила — какая. Встала и вышла следом.

На палубе было светло. Слишком светло — после тесных коридоров и масляного сумрака машинного отделения глаза резануло. Вера на секунду зажмурилась, потом привыкла.

Луи сидел на настиле, прижавшись спиной к лебёдке. Лицо серое, зубы сжаты. Он не кричал — только дышал часто-часто, как загнанная собака. Нога зажата между барабаном и стальным упором. Трос соскочил при ударе волны, механизм сместился. Кость раздроблена — это было видно даже сквозь штанину.

Филипп подошёл, посмотрел. Отвернулся. Отошёл к борту, встал спиной, глядя на воду.

У Веры расширились глаза — только на секунду. Потом она опустилась на корточки рядом с Луи.

— Брейвик, сюда.

Они упёрлись плечами в механизм с двух сторон. Вера коротко кивнула — навалились вместе. Тяжёлая сталь поддалась не сразу, заскрежетала, но поползла. Луи вытащил ногу и тут же отполз в сторону, зажимая рану ладонями. Кровь текла сквозь пальцы, капала на палубу, смешивалась с морской водой.

— Повезло тебе, — сказал Брейвик. — Если бы не зажало — улетел бы за борт.

Луи хохотнул. Коротко, безрадостно. Ветер донёс запах перегара — резкий, кислый. Вера отметила про себя. Не сейчас. Потом.

Сверху, с надстройки, выглянул Джун.

— Капитан, корабельную связь починил.

— Аптечку принеси, — сказал Брейвик, не оборачиваясь.

Джун посмотрел на ногу Луи. Лицо его сделалось сперва белым, потом серым. Он замер — секунду, две, три. Смотрел на раздробленную кость, на кровь, на пальцы, которыми Луи всё ещё пытался зажать рану.

— Джун, — позвала Вера.

Он моргнул. Кивнул — резко, будто очнулся. И исчез за дверью. Вернулся быстро, почти бегом. В руках — красный ящик с крестом. Передал Брейвику. А сам отвернулся к борту, вцепился в леера, дыша ртом.

Филипп не выдержал.

— Нет, ты посмотри на него, — сказал он. Голос дрожал — от злости, от страха, Вера не разобрала. — Пьяный. В открытом океане.

— Месье Филипп.

— У нас контракт, международный статус, разрешения, а тут...

— Месье Филипп, — Вера повысила голос. — Остыньте.

Он замолчал.

— Если вас что-то не устраивает — говорите мне. С командой я разберусь сама.

Филипп смотрел на неё. Дёрнул плечом, будто хотел что-то сказать, но передумал. Отошёл. Встал у борта, скрестил руки на груди.

Из машинного отделения выскочил помощник Михаила. Парень — молодой, но с крепкими нервами — глянул на ногу Луи, на лужу крови, но лица не потерял. Остановился, перевёл дыхание.

— Вера... — начал он. — Простите. Капитан. Михаил зовёт.

Вера кивнула. Поднялась с корточек. Пошла к машинному. Филипп — за ней.

Михаил стоял у распределительного щита. Масло капало с локтей, с подбородка. Но голос — спокойный, ровный, будто не было ни волны, ни удара, ни этого ада на палубе.

— Движку почти хана, — сказал он. — Миль тридцать, не больше. Мой совет — убираться. Пока что-то ещё не прилетело.

Он помолчал. Посмотрел на Веру. Добавил тише:

— Или не вылезло.

Филипп вспыхнул снова. Шагнул вперёд, встал между Верой и Михаилом.

— Убираться? Вы хоть понимаете, что стоит на кону?

— Месье Филипп.

— Годы подготовки. Разрешения. Я добивался этого...

— Месье Филипп, — Вера не повысила голос. Сказала ровно, как на мостике перед штормом. — Это совет. Решать нам.

Он посмотрел на неё. На Михаила. На масло, капающее с пальцев механика.

— Уж разберитесь.

Развернулся и вышел. С палубы донеслись обрывки — французские, русские, перемешанные. Сброд. Пьяницы. Трусы.

Вера посмотрела на Михаила. Тот вытирал руки ветошью, чёрные полосы оставались на серой тряпке.

— Через полчаса на мостике.

— Хорошо, Вера.

Она повернулась. В дверях стоял Брейвик — прислонился плечом к косяку, ждал.

— Слышал, — сказал он. — Соберу всех.

Вера кивнула. Спросила:

— Как он?

— Жить будет. Вколол ему промедол, сейчас спит.

Брейвик помолчал. Отвёл взгляд. Потом снова поднял.

— Прости.

Вера сжала челюсть. Ненавидела, когда он так делал. Ненавидела это слово.

— Знаю, — сказал Брейвик, глядя ей в глаза. — На берегу поищем другого.

Она не ответила. Молча кивнула и вышла.

На палубе было по-прежнему светло. Филипп ходил от борта к борту — широкими шагами, резко разворачивался, снова ходил. Жестикულიровал, говорил сам с собой. Иногда доносились отдельные слова — не разобрать, но тон злой, обиженный.

Джун стоял на коленях перед искореженной антенной. Пытался отсоединить уцелевший блок — крутил гайки, дёргал провода. Но руки не слушались, пальцы скользили. Вера видела — он не здесь. Глаза смотрели сквозь железо, сквозь палубу, сквозь воду. Там, за его спиной, всё ещё шла волна. Гигантская, чёрная, кипящая.

Вера поймала себя на мысли — она помнит каждый корабль. Каждую царапину на штурвале. Каждый звук, который судно издаёт перед тем, как что-то случается. «Медея» сейчас молчала. Это было хуже любого скрипа, любого удара, любого стона.

Она двинулась к мостику. Твёрдо. Размеренно. Не оглядываясь.

Ступеньки трапа прогнулись под ногами — старый металл, сто раз сваренный, сто раз проклёпанный. Вера вела по ним ладонью, чувствуя заусенцы, вмятины, следы чужой работы. «Медея» не была её первым кораблём.

На мостике пахло гарью — где-то за панелями оплавилась проводка. Вера подошла к лобовому стеклу, встала, глядя на воду. Серую, ровную, без единой белой шапки. Будто ничего не случилось. Будто волны не было.

Она провела пальцем по стеклу. За ним — тишина.

Потом подошла к пульту. Проверила тумблеры, лампочки. Связь работала. Можно было вызывать.

Вместо этого Вера подошла к креслу. Села. Положила руки на подлокотники. Закрыла глаза на секунду.

Попыталась услышать судно — не ушами, телом. Когда вибрация меняется на пол-оборота, когда стук клапанов становится чуть глуше, чуть выше. Корабль говорит, если умеешь слушать.

«Медея» сейчас молчала. Это было хуже любого скрипа.

Она открыла глаза. Встала. Подошла к эхолоту. Глубина — больше тысячи. Океан под килем уходил в черноту, на дно, где теперь покоился объект. Спутник, сказал Филипп. Она не была уверена.

Вера посмотрела в лобовое стекло. На горизонте, там, где падала звезда, висела лёгкая дымка. Не туман, не облака. Что-то другое.

Она вдруг подумала: а что, если корабли тоже устают? Не от волн, не от штормов, не от ржавчины. От людей. От их решений. От их страхов и амбиций. «Медея» молчала не потому, что нечего было сказать. Она ждала. Как тогда, перед рифами.

Вера потянулась к штурвалу. Коснулась металла кончиками пальцев — холодный, шершавый.

— Потерпи, — сказала она тихо. — Осталось немного.

Она подошла к пульту, нажала кнопку внутренней связи.

— Общий сбор. Мостик. Через пять минут.

Отключилась.

Шаги в коридоре. Первым вошёл Брейвик — молча занял место у переборки. За ним Михаил — переоделся, но масло вьелось в поры, не отмыть. Потом Джун — бледный, но собранный. Филипп вошёл последним, встал у дверного косяка, скрестив руки на груди.

Все смотрели на Веру.

— У нас тридцать миль хода, — сказала она. — Не больше. Михаил подтвердит.

Механик кивнул.

— Я предлагаю уходить. Дальше от этой точки. Потом разберёмся.

Филипп усмехнулся — без веселья, сухо.

— Уходить? Да упал какой-то спутник. Ошибка. С кем не бывает. И из-за этого сворачивать экспедицию? — он сделал шаг вперёд, голос стал жёстче. — На кону не только деньги, капитан Стяжкина. Мне нужна причина весомее вашей женской интуиции.

В рубке повисла тишина.

Михаил поднял голову. Посмотрел на Филиппа — спокойно, ровно. Без угрозы, но с таким выражением, от которого француз невольно сделал полшага назад.

— Месье Филипп, — сказал механик тихо. — Мы все здесь профессионалы. Давайте без этого.

Филипп поднял руки, ладонями вперёд — жест примирения, но глаза оставались жёсткими.

— Хорошо. Без этого. Но вы не забывайте, капитан: от успеха экспедиции зависит и ваша лицензия. Не только мои деньги. Я за вас поручился.

Вера молчала. Смотрела на него — долго, внимательно. Потом перевела взгляд на карту. Квадрат, точка Немо. Красная метка.

— К самой точке не пойдём, — сказала она. — Подберёмся достаточно близко для вылазки на батискафе. Не раньше утра.

Филипп качнул головой.

— Вечера. Сегодня вечером поплывём за «Аполло-N».

Вера поняла — большего не добьётся. Кивнула.

Остальные молчали. Брейвик отвернулся к карте. Джун переминался с ноги на ногу. Михаил опустил взгляд.

— Всё, — сказала Вера. — Расходитесь.

Первым вышел Филипп — быстрым шагом, не оглядываясь. За ним Джун, потом Михаил. Брейвик задержался на секунду, посмотрел на Веру, хотел что-то сказать, но передумал. Только кивнул и вышел.

Вера осталась одна.

Она снова подошла к лобовому стеклу. За ним — вода и низкое небо. И дымка на горизонте. И там, в глубине, под килем — то, что упало с неба и не умерло.

«Медея» шла на малом ходу. Движки гудели тихо-тихо, едва слышно. Вера смотрела вперёд и ждала.

Глава 3

Вечер опустился на океан незаметно. Солнце ушло за горизонт, оставив на небе бледно-оранжевую полосу. Вода потемнела, стала тяжёлой, почти чёрной. И всё так же спокойной — ни ряби, ни ветра.

Вера стояла на палубе, смотрела на батискаф. Он висел на кормовом крану — неуклюжий, тесный, похожий на металлический кокон. Кран удерживал его на четырёх тросах, тросы туго натянулись, чуть вибрировали от слабой зыби.

Брейвик стоял рядом.

— Можно спускать, — сказал он.

— Начинай.

Процесс пошёл медленно, автоматически. Манипуляторы крана заскользили по направляющим, тросы натянулись сильнее. Батискаф дрогнул и начал опускаться. Сначала плавно, потом медленнее, когда корпус коснулся воды. Всплеск — негромкий, приглушённый. Батискаф качнулся, замер, принял на себя волну.

Крановые захваты отсоединились. Лязгнули замки. Тросы пошли вверх, мокрые, блестящие. Батискаф остался один на поверхности.

Вера смотрела на него, чувствуя странное спокойствие. И холод под рёбрами — тот самый, старый, знакомый. Не страх. Предчувствие.

— Кто идёт? — спросил Брейвик.

— Я, — сказала Вера. — Филипп. Михаил.

Брейвик нахмурился.

— Я думал, я.

— Нет. Ты остаёшься.

— Почему?

Вера не ответила сразу. Сама не знала — почему. Знала только, что Брейвик нужен здесь, на корабле. А туда, вниз, её что-то тянуло. И одновременно пугало.

— Нужен на контроле, — сказала она. — Если что — выбирать будешь.

Брейвик помолчал. Посмотрел на неё — долго, внимательно. Потом кивнул.

Джун подошёл сам, несмело, но твёрдо.

— Капитан, я хочу с вами.

— Зачем?

— Ни разу не погружался. Интересно.

Вера хотела сказать — не экскурсия. Посмотрела в его глаза — не бравада, не геройство. Просто интерес. Кивнула.

— Ладно. Будешь на связи и сигналах.

Сзади хмыкнул Михаил — в промасленной куртке, с инструментальным ящиком в руке.

— Если услышишь сигнал, попробуй угадать — кит или кашалот.

Джун улыбнулся — первый раз за день. Филипп стоял чуть поодаль, нетерпеливый, постукивал пальцем по поручню. Глаза блестели — предвкушение, азарт, смесь торжества и нервозности. Он молчал, но его уверенность давила, заполняла паузы.

Посадка заняла несколько минут. Батискаф тесный — четыре кресла, приборы, иллюминаторы. Вера села первой, проверила кресло, крепления. За ней — Филипп, неуклюже протиснулся, задел плечом переборку, чертыхнулся по-французски. Михаил забрался третьим, сразу полез к пульту управления — проверил манометры, вентили, балансировочные цистерны. Джун сел последним, огляделся, притих.

Захлопнули люк. Изнутри Михаил провернул маховик герметизации — с усилием, до щелчка. Вера слышала, как за бортом что-то зашипело — атмосферный клапан стравил лишнее давление.

— Давление в норме, — сказал Михаил, глядя на приборы. — Цистерны продуты. Можно отделяться.

Вера нажала кнопку на панели. Щелчок. Снаружи лязгнули захваты. Батискаф качнуло — и потянуло вниз.

В иллюминаторах замелькала вода. Сначала светлая, с пузырьками воздуха, которые поднимались из дренажных отверстий. Пузырьки шли часто, густо — батискаф вытравливал остатки воздуха из цистерн. Потом вода стала темнее, гуще, пузырьки исчезли.

— Пять метров, — сказал Михаил. — Восемь. Десять.

Звуки с поверхности исчезли — не сразу, постепенно. Сначала стихли голоса, потом пропал лязг крановых механизмов, потом и плеск волн. Осталась только тишина. И редкие, глухие щелчки корпуса — давление сжимало металл.

Вера смотрела в иллюминатор. Глубина росла, вода за стеклом темнела. Сорок метров. Пятьдесят. Свет с поверхности ещё пробивался — размытый, зелёноватый. Но с каждым метром его становилось меньше.

Батискаф слегка качнуло — подводное течение. Михаил что-то подкорректировал на пульте, равновесие восстановилось.

— Сто метров, — сказал он.

Свет почти исчез. В иллюминаторах теперь висела густая синева, почти чернота. Только изредка мелькали какие-то искры — планктон, возмущённый винтами.

Вера перевела взгляд вниз. Туда, где на дне ждали Аполло-Н и то, что упало со звездой. Батискаф продолжал погружение.

— Тысяча метров, — сказал Михаил.

Голос прозвучал глухо — не из-за связи, из-за тишины, которая сгустилась внутри батискафа. Давление снаружи росло, корпус пощёлкивал — редко, коротко, будто металл перебирали костяшками.

— Пятнадцать сотен. Две тысячи.

Свет за иллюминаторами исчез окончательно. Сорок метров назад ещё была размытая зелень, намёк на солнце. Теперь — только чернота. Вера смотрела в стекло, видела собственное отражение и больше ничего.

— Глубина три тысячи, — сказал Михаил. — Включаю внешний свет.

Батискаф вздрогнул. Под корпусом что-то щёлкнуло — раскрылись створки прожекторных отсеков. Свет ударил вперёд — яркий, холодный, неестественный. Он пробил толщу воды, но не рассеял тьму. Только отодвинул её, создав вокруг батискафа узкий конус видимости.

В пустоте.

Первые обломки показались на четырёх тысячах. Вера увидела их краем глаза — что-то блеснуло на границе света, сразу пропало. Михаил повернул прожекторы. Лучи скользнули влево, замерли.

Корпус. Часть корпуса — большого, цилиндрического, с обрывками кабелей и вырванными панелями.

— Четыре триста, — сказал Михаил.

Дно пошло плотнее. Теперь обломки мелькали каждый метр — искорежённые фермы, панели солнечных батарей, какие-то контейнеры, сплюснутые давлением, баллоны высокого давления, разорванные в клочья.

Потом свет упёрся в стену.

Не дно — стену из мусора. Спутники, ступени, обломки обшивки, переплетённые кабелями, сваленные в хаотичные штабеля. Некоторые объекты лежали ровно, будто их аккуратно уложили. Другие торчали под невозможными углами, застыв в падении навсегда.

— Дно, — сказал Михаил. — Четыре восемьсот.

Батискаф завис над грудой металла. Прожекторы шарили по сторонам, выхватывая из темноты искорёженный космический мусор. Всё смешалось, спрессовалось давлением, покрылось слоем наносов. Десятилетия на дне сделали своё дело — металл потускнел, краска облупилась, маркировка стёрлась. Вера пыталась угадать происхождение обломков, но понимала — это почти невозможно. Всё выглядело одинаково старым, одинаково мёртвым.

— Вон, — сказал Филипп.

Вера проследила за его рукой. Свет выхватил из темноты спутник — тот самый, с фотографий. Аполло-Н. Прямоугольный корпус, остатки солнечных панелей, маркировка, выцветшая, но ещё читаемая. Цель экспедиции. То, ради чего они сюда пришли.

— Михаил, к нему. Аккуратно.

Батискаф медленно пошёл вперёд, обходя груды обломков. Прожекторы держали спутник в центре. По мере приближения становилось видно — корпус зажат между двумя крупными объектами. Слева — искорежённая ферма, справа — сплюснутый контейнер, похожий на топливный бак.

— Придётся освободить, — сказала Вера.

Филипп подался вперёд, вглядываясь в иллюминатор.

— Осторожнее, капитан. Он хрупкий.

Француз так и не сел обратно. Стоял, упершись ладонями в край панели, и следил за каждым движением манипулятора.

Вера кивнула, не отрываясь от пульта. Вывела манипуляторы из походного положения — два металлических захвата, похожих на клешни, медленно раскрылись. Включила левую руку, подвела к ферме. Свет прожекторов дробился на тёмных сочленениях. Вера замерла на секунду, оценивая расстояние, потом взяла захватом за верхнюю перекладину.

— Потяну.

Манипулятор напрягся, гидравлика зашипела. Ферма поддалась не сразу — заскрежетала, сдвинулась на сантиметр, потом ещё. Вера развернула кисть, оттащила конструкцию в сторону. Металлолом медленно осел на дно, подняв облако мути.

Джун глядел во все глаза. Он даже забыл про приборы связи. Следил за движением манипуляторов так, словно смотрел фокус. Вера чувствовала его взгляд, но не оборачивалась.

Правая рука пошла к контейнеру. Он оказался тяжелее — батискаф чуть накренился, когда манипулятор взял его за край. Михаил тут же скорректировал дифферент, подкачал воду в носовую цистерну. Вера перехватила захват, подвела к контейнеру с другого бока, толкнула. Тот покатился в сторону, перевернулся, обнажив разорванную обшивку.

Аполло-Н освободился.

— Хорошо, — сказала Вера. — Подвожу крепление.

Батискаф медленно осел, завис над спутником. Вера выдвинула внешний захват — массивную скобу с гидравлическими защёлками. Навела на корпус. Сдвинулась на пару сантиметров. Ещё. Скоба обхватила спутник, мягко, почти нежно.

— Фиксация.

Защёлки щёлкнули. Михаил глянул на приборы.

— Крепление надёжное. Можно поднимать.

Вера выдохнула. Только сейчас почувствовала, что спина взмокла. Пальцы затекли на пульте управления. Она пошевелила ими, восстанавливая кровь.

— Ну что, — сказала Вера. — Пошли домой.

— Разворачивайся, — бросил Филипп. В голосе — нетерпение, облегчение, предвкушение.

Михаил начал разворот. Батискаф медленно вращался вокруг оси, прожекторы скользили по дну, по грудам мусора, по металлическим теням. Вера уже не видела обломков в иллюминаторе. Думала о подъёме, о стыковке, о том, как «Медея» примет их на борт.

Свет выхватил объект случайно — когда батискаф почти завершил разворот. Лучи прожекторов мазнули по чему-то тёмному, неправильному, замерли. Вера не сразу поняла, что смотрит. Сначала показалось — ещё один обломок, крупный, деформированный. Но когда свет прошёлся по поверхности, стала видна структура. Неправильная, асимметричная, без единой прямой линии. Ни антенн, ни панелей, ни стыковочных узлов. Только странные грани, рёбра, изгибы, переходящие друг в друга. Будто кто-то собрал объект из частей, не предназначенных для сборки.

Филипп вытер запотевший иллюминатор.

— Что это?

Вера не ответила.

— Михаил, ближе.

— Стоять, — сказала Вера.

Филипп повернулся к ней.

— Мы должны посмотреть.

— Мы сделали дело. Поднимаемся.

— Капитан, это...

— Это не наш объект.

Филипп сжал челюсть. Смотрел на неё, потом на иллюминатор, на объект, который медленно уходил из света по мере того, как батискаф продолжал разворот.

— Интуиция, месье Филипп, — сказала Вера холодно. — Вы сами говорили — не повод для решений.

Филипп хотел возразить. Открыл рот — и закрыл. Отвернулся к стеклу.

Вера смотрела в иллюминатор. Объект скрылся в темноте. Но она чувствовала его там — тяжесть, неправильность, чужеродность. И хуже всего — ей хотелось вернуться. Рассмотреть. Понять. Желание поднималось откуда-то изнутри, сильное, почти непреодолимое. Не связанное с контрактом, с дисциплиной, с холодным расчётом. Оно было чужим. И своим одновременно.

Мурашки прошли по спине.

— Подъём, — сказала Вера.

Батискаф начал всплытие. Дно медленно уходило вниз, растворяясь в темноте. За стрелком осталась только вода — сначала чёрная, потом серая, потом светлая, с пузырьками воздуха.

Странный объект остался там, в глубине. А чувство — нет.

Глава 4

Батискаф шёл вверх.

Сначала медленно — гидравлика стравливала лишний вес, цистерны продувались, вода выходила с глухим бульканьем. Вера смотрела в иллюминатор — туда, где темнота начинала светлеть.

Но на поверхности была ночь. Вместо солнца — прожекторы «Медеи», холодные, резкие. Их свет пробивался сквозь толщу воды — сначала размытыми пятнами, потом ярче, плотнее.

Давление отпускало, корпус пощёлкивал реже, металл вздыхал. Глухота отступала — сначала вернулся шум воды за бортом, глухой, ритмичный, потом сквозь него пробилась звуки с поверхности.

— Десять метров, — сказал Михаил. — Пять.

Батискаф качнуло на волнах. В иллюминаторе мелькнул корпус «Медеи» — чёрный, огромный, подсвеченный снизу. Вера сжала поручень кресла.

Михаил нажал кнопку связи.

— Брейвик, мы на месте. Поднимайте.

Лебедки заскрежетали где-то наверху, тросы натянулись, батискаф дрогнул и медленно пошёл вверх. Вера смотрела в боковой иллюминатор. Из воды показалась стена корпуса — мокрая, блестящая, облепленная пеной. Брызги полетели в стороны, стекло залило водой на секунду.

Кран подхватил их, перенёс над палубой, аккуратно опустил на кильблоки. Лязгнули захваты, тросы ослабли, батискаф замер.

Вера отстегнула ремни. Пальцы затекли — разжала их, пошевелила. Встала.

Изнутри открыть люк было нельзя — только снаружи. Вера ждала, слушая, как возятся на палубе, как щёлкают фиксаторы, как кто-то негромко командует — Брейвик, конечно. Наконец лязгнул запор, люк приподнялся, впуская солёный воздух и свет прожекторов.

Вера выбралась первой. Ноги почти не держали — после часов неподвижности мышцы затекли, колени дрожали. Ухватилась за поручень, постояла, перевела дух. Палуба под ногами была твёрдой, холодной — металл за ночь остыл.

Она огляделась. Грузовой отсек, лебёдки, крановые балки. Прожекторы сверху били вниз, выхватывая из темноты людей, механизмы, палубу. Все смотрели на батискаф, на неё.

Брейвик стоял у лебёдки, в руках планшет.

— Порядок? — спросил он.

Вера кивнула.

Михаил поднялся следом, потянулся, хрустнул шейей. Кивнул Брейвику. Затем вылез Джун, огляделся, улыбнулся — растерянно, счастливо.

Филипп вышел последним. Он встал у спутника. Аполло-Н лежал на стапеле, прихваченный стропами. Выцветшая маркировка, обгоревшие панели, потускневший металл. Но сейчас этот ящик стоил дороже, чем весь корабль.

Вера подошла ближе.

— Вытащили, — сказал Филипп.

— Вытащили.

Филипп провёл пальцами по корпусу.

— Вскрываем?

— Позже. Перепад давления. Нужно время, чтобы стабилизировался.

Филипп сжал челюсть. Вера видела — он хочет спорить. Но сдержался.

— Сколько?

— Час. Два.

— Жду.

Отошёл, остановился у поручня. Смотрел на спутник.

Брейвик уже командовал креплением. Манипуляторы подхватили Аполло-Н, перенесли к дальней переборке, зафиксировали. Луи помогал — переставлял костыль, подавал скобы. В свете прожекторов лицо у него было бледное, на лбу выступил пот. Протез под штаниной гудел — едва слышно, только когда ветер стихал.

Брейвик закончил, подошёл к нему.

— Тебе бы в медотсек.

Луи поднял голову.

— Нормально. Я в порядке.

Брейвик посмотрел на Веру.

— Иди.

Луи не спорил. Зашагал к трапу, опираясь на костыль. Брейвик пошёл следом.

Филипп проводил их взглядом. Окликнул.

— Стойте! Будем отмечать. Все приглашены.

Джун просиял. Михаил кивнул. Брейвик и Луи обернулись. Оба были удивлены. Брейвик покосился на Веру.

Вера не ответила. Смотрела на воду за бортом. Прожекторы освещали штиль — чёрный, блестящий, маслянистый. Океан был спокоен. Слишком. Воздух был тёплым. Не только для ночи. Но и для точки немо в целом.

Ощущение странного объекта осталось где-то внизу — под толщей океана.

— Отметим на мостике? — спросила она. — Проверим системы. Потом вскрываем.

Филипп фыркнул.

— Отмечаем здесь и сейчас. А после вскрываем.

Он сказал это серьёзно. Его глаза блеснули в свете прожекторов.

— Брейвик, — тон Филиппа сменился на дружелюбный. — Думаю, можно достать что-нибудь покрепче из моих личных запасов.

Брейвик кивнул и направился в пассажирский отсек.

Оставшись на палубе, все немного растерялись. Несколько часов назад они сидели в батискафе на глубине почти пять километров. Теперь стояли под открытым небом и смотрели на спутник, который удалось поднять со дна.

Первым не выдержал Джун. Подошёл к Аполло-Н и осторожно постучал пальцем по корпусу.

— До сих пор не верится.

— Мне тоже, — неожиданно поддержал его Илья — второй механик. Помощник Михаила.

Михаил посмотрел на них и едва заметно улыбнулся.

— Это пройдёт.

Филипп в это время уже обходил спутник по кругу. Останавливался, разглядывал корпус, что-то высматривал в стёртой маркировке.

Вера покачала головой.

— Месье Филипп, вы сейчас в нём дыру протрёте.

— Я изучаю.

— Уже третий круг.

— Второй.

— Третий, — спокойно поправил Михаил.

Филипп посмотрел на него с лёгким возмущением, но спорить не стал.

В этот момент вернулся Брейвик. В руках он нёс два ящика с бутылками. Поставил их рядом со спутником.

— Нашёл запасы месье Филиппа.

Луи заглянул внутрь.

— Жить будем.

— Закуску забыл.

— Уже хуже.

На этот раз улыбнулись почти все.

Разлили быстро. Вера взяла сок. Михаил ограничился парой глотков. Остальные были настроены менее аскетично.

Филипп поднял стакан и обвёл взглядом собравшихся.

— Господа, за хорошую работу.

— Очень короткий тост, — заметила Вера.

— Я француз, а не писатель.

— Повезло.

Стаканы звякнули.

После первого глотка разговор пошёл легче.

Люди наконец начали отходить от напряжения последних дней.

Даже Илья разговорился.

— А что дальше?

— В каком смысле? — спросил Луи.

— Ну... спутник подняли. А домой как?

Ответил Джун.

— Нас будут искать.

Все посмотрели на него.

Связист пожал плечами.

— По протоколу. Если судно долго не выходит на связь, отправляют спасателей. Последние координаты у них есть.

— И сколько ждать? — спросил Илья.

— Семь дней, — сказала Вера.

Илья присвистнул.

— Семь?

— Может меньше. Но рассчитывать лучше на неделю.

— И что делать всё это время?

Луи протянул руку за бутылкой.

— Есть.

Налил себе немного.

— Пить.

Сделал глоток.

— Спать.

Кивнул на спутник.

— И смотреть, как месье Филипп сходит с ума от ожидания.

Филипп даже не попытался возразить.

— Это несправедливое обвинение.

— Конечно, — сказала Вера.

— Абсолютно несправедливое.

— Разумеется.

— Я совершенно спокоен.

Брейвик посмотрел на спутник, потом на Филиппа.

— Поэтому каждые две минуты проверяешь, не открылся ли он сам.

На этот раз засмеялись все.

Даже Михаил.

Филипп махнул рукой и тоже рассмеялся.

Разговор постепенно разбрёлся по мелочам. Вспоминали погружение, спорили о том, сколько лет Аполло-Н пролежал на дне, слушали истории Джуна про учебный центр. Луи ворчал на протез. Илья больше слушал, чем говорил.

И только Филипп время от времени поглядывал на спутник.

Будто боялся, что тот куда-нибудь денется.

— Знаешь, — сказал он, обернувшись к Вере, — я ведь до сих пор помню, как мы с тобой в первый раз вышли в море.

Вера не ответила.

— Ты тогда ещё работала на старом норвежце. Как капитана звали?

— Ларсен.

— Ларсен, да. Он говорил: «Филипп, эта женщина чувствует воду лучше, чем я — ветер».

— Не помню такого.

— А я помню.

Филипп усмехнулся и сделал глоток.

— И оказался прав. Ты нас тогда спасла. А потом посадила мой корабль на рифы.

— Я тебя отговаривала.

— Отговаривала, — согласился Филипп. — Но я же мужчина, капитан. Я лучше знаю.

— И где теперь тот корабль?

— На дне.

— Вот именно.

Кто-то тихо хмыкнул.

Филипп развёл руками.

— Зато какая была история.

— Очень дорогая история.

— Но хорошая.

Вера покачала головой.

Филипп улыбнулся, посмотрел на спутник и вдруг вздохнул.

— Ну всё. Не могу больше.

— Что именно?

— Ждать.

По палубе прокатился смех.

— Прошло всего два часа, — сказал Брейвик.

— Два очень длинных часа.

— Вы держитесь достойно, месье Филипп, — заметил Михаил.

— Спасибо.

— Внешне.

На этот раз засмеялся даже Луи.

Филипп допил остатки виски и поставил стакан на ящик.

— Всё. Хватит издеваться над владельцем судна.

Он посмотрел на Веру.

— Капитан?

Вера выдержала паузу.

Посмотрела на спутник.

Потом на людей вокруг.

Улыбки постепенно исчезли. Разговоры стихли сами собой.

Все понимали, что этот момент рано или поздно наступит.

— Время, — сказала она.

Филипп выдохнул так, словно только что получил помилование.

Вера подошла к Аполло-Н.

Остальные двинулись следом.

Свет прожекторов падал сверху, выхватывая из темноты лица, тени и потускневший металл спутника.

— Открывайте, — сказала Вера.

Филипп шагнул вперёд.

Михаил и Илья уже принесли инструмент. Сняли внешние панели, открутили крепления. Болты за годы на дне прикипели намертво, но всё же поддавались. Металл скрипел, нехотя расставаясь со своими тайнами. Джун светил фонарём, стараясь не мешать и одновременно не упустить ничего важного.

— Осторожнее, — сказал Филипп.

— Стараемся, — ответил Михаил.

Последняя крышка отошла в сторону. Все невольно подались ближе.

Внутри не оказалось ничего, кроме пустого отсека и креплений, давно потерявших смысл. Только в самом углу, среди старых фиксаторов и обломков изоляции, лежал небольшой предмет.

— Это ещё что? — тихо спросил Илья.

Михаил нахмурился, просунул руку внутрь и осторожно вытащил находку.

Шкатулка.

Если это вообще была шкатулка.

Размером с ладонь. Грубая, неровная, будто её не изготовили, а вырезали вручную. Материал странный — не то дерево, не то камень, с тяжёлой матовой поверхностью, как у чего-то, что слишком долго лежало под давлением воды и времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.